

Глава 2

— Лю Цзинхэн? — видя, что тот спрятался под одеялом и молчит, Чэн Юньцин позвал его ещё раз.

Лю Цзинхэн прикрыл глаза. Его мозг, подобно потолочному вентилятору из прошлого века, медленно вращался.

Пытаясь вспомнить оригинал, он обнаружил, что автор не стал утруждать себя подробным описанием мыслей второстепенного злодея.

Он медленно натянул на себя одеяло, создавая уединённое место для размышлений.

Чэн Юньцин долго стоял рядом, глядя на то, как худенькое тело даже под толстым одеялом не создавало объёма.

— Обиделся? — тихо спросил он.

Лю Цзинхэн, спрятавшись под одеялом, только открыл рот, чтобы сказать «нет», как Чэн Юньцин уже сам всё для себя решил:

— Хорошо, я не уйду. Вылезай, долго лежать под одеялом вредно для здоровья.

Лю Цзинхэн, ухватившись за край одеяла, медленно показал своё лицо.

«Хех, получилось. Хотя и не знаю как, но я, кажется, довольно хорош».

В это время за обеденным столом в доме семьи Цинь, Цинь Чуяо то и дело поглядывал на телефон. Сообщений от Чэн Юньцина всё не было, и его правая нога нетерпеливо подёргивалась.

«Динь—»

Звук уведомления прозвучал как музыка небес. Сидящий во главе стола старик тоже повернулся в его сторону.

□Сокровище Юньцин: Я не приду. Передай мои извинения председателю Цинь, я зайду в другой раз, чтобы извиниться лично.□

Прочитав, что Чэн Юньцин не придёт, Цинь Чуяо тяжело выдохнул и принялся яростно стучать пальцами по экрану.

— Если ты так занят, то сначала закончи свои дела, а потом приходи ужинать, — внезапно произнёс мужчина напротив. Его голос и тон были такими же ледяными, как и его лицо.

Цинь Чуяо поспешно убрал телефон.

Мужчина напротив, слегка опустив глаза, неторопливо разрезал стейк на своей тарелке.

— Простите, дядюшка, я... — оправдание застряло у него в горле, и он сглотнул.

Его дядюшка, Цинь Ду, ненавидел, когда кто-то ищет оправдания.

Господин Цинь, видя, что атмосфера накалилась до предела, решил сменить тему и обратился

к Цинь Чуяо:

— Если у твоего одноклассника дела, пусть сначала ими займётся. Это всего лишь обед, поесть можно когда угодно.

— Простите, дедушка. Юньцин просил передать вам свои извинения. Он не специально нарушил обещание, просто, как будущий врач, он слишком ответственный и совестливый. Он беспокоится, что с этой «цветочной бабочкой» может случиться что-то серьёзное, поэтому решил пока остаться там.

— «Цветочной бабочкой»? — с недоумением переспросил старик.

— Да, это тот, что пришёл с ним, Лю Цзинхэн, — при упоминании его имени Цинь Чуяо почувствовал, как внутри закипает гнев. — Этот тип постоянно строит на меня планы. Деревенщина, возмнившая, что может влететь фениксом в нашу семью. Я слишком долго был с ним любезен.

— Я закончил, — едва прозвучали эти слова, как Цинь Ду отложил вилку и нож, промокнул губы салфеткой и поднялся из-за стола.

Цинь Чуяо и старик переглянулись, но ничего не сказали.

***

Яркий оранжевый закат на горизонте сменился сине-чёрными сумерками, и на улицах один за другим зажглись фонари.

В больничной палате, в полумраке, белая фигура на кровати казалась ещё более ослепительной.

Лю Цзинхэн, просыпаясь и засыпая, наконец выспался. Он медленно перевёл взгляд. Чэн Юньцин всё ещё был здесь, он заснул, подперев голову рукой.

Отдохнувший мозг дополнил картину новыми деталями из романа.

В оригинале злодей, подставив Чэн Юньцина и обвинив его в том, что тот столкнул его с лестницы, для большей убедительности пересел в инвалидное кресло и подделал медицинское заключение, став формально полупарализованным.

Лю Цзинхэн прищурился. Инвалидное кресло — это хорошо. Ходить так утомительно.

В темноте он пошарил вокруг и нашёл телефон своего персонажа.

Защищён паролем, которого он не знал.

Но пароль такого самовлюблённого человека угадать несложно.

Он ввёл свой день рождения, и телефон разблокировался.

«День рождения в качестве пароля — верх глупости».

Он открыл банковское приложение: баланс 0,21 юаня. И куча сообщений с требованием вернуть долг.

□Твою мать, если не вернёшь деньги, продам тебя в ночной клуб, пусть тебя там тр***ют до смерти всякие уроды!□

Лю Цзинхэн: ...

Жить захотелось ещё меньше.

Первоочередная задача — раздобыть инвалидное кресло и сделать всё правдоподобно.

Внезапно рядом раздался вздох.

Лю Цзинхэн медленно повернул голову и встретился взглядом с Чэн Юньцином.

— Можешь одолжить мне немного денег?

Услышав это сразу после пробуждения, Чэн Юньцин помрачнел:

— Зачем тебе деньги?

— В основном, чтобы не питаться землёй, — придумал Лю Цзинхэн причину.

— Твои родители не дают тебе денег на карманные расходы? — Чэн Юньцин запнулся, и на его лице отразилось смущение. — Прости, я не подумав сказал.

Он на мгновение задумался, затем снова встретился с ясным, выжидающим взглядом Лю Цзинхэна, и его кадык дёрнулся.

Чэн Юньцин не был скуп, он просто не любил денежные отношения со знакомыми. Раньше он одалживал всем, кто просил, но в итоге эти долги никогда не возвращались. Он не настаивал, лишь спрашивал: «У тебя появились деньги?», — после чего его блокировали, и общение прекращалось навсегда.

Его взгляд скользнул по тонкому, хрупкому запястью Лю Цзинхэна.

Такой худой, что лучевая кость выпирала, а шея была тонкой, как у цыплёнка. Словно он за всю жизнь ни разу досыта не ел.

— Сколько тебе нужно? — сдался Чэн Юньцин.

Лю Цзинхэн подумал:

— Пятьсот.

Чэн Юньцин: ...

Зря переживал. А он-то думал, речь о пятидесяти тысячах.

— Одолжить могу. Когда вернёшь?

— В конце месяца.

Чэн Юньцин тихо вздохнул, открыл WeChat, нашёл Лю Цзинхэна и отправил:

□Перевод 10 000 юаней□

— Вернёшь в конце года. А пока возьми на еду.

Лю Цзинхэн принял деньги, а затем:

□Перевод 9 500 юаней□

Чэн Юньцин нахмурился:

— Почему ты вернул?

— Я просил пятьсот и верну в конце месяца.

— Я же не тороплю, — невольно повысил голос Чэн Юньцин.

Лю Цзинхэн прикрыл глаза:

— Только пятьсот.

Сколько сказал, столько и возьмёт, ни на юань больше.

Чэн Юньцин долго смотрел на него, а затем издал неопределённый смешок.

— Я поеду в университет. Больничные расходы я оплатил. Если что, звони, — сказал Чэн Юньцин, видя, что уже поздно, и поднялся, чтобы уйти.

Лю Цзинхэн открыл рот, но слова «будь осторожен» застряли у него в горле.

***

На следующее утро врач пришёл на обход.

— Когда меня выпишут?

— Если всё в порядке, лучше полежать ещё несколько дней для наблюдения. Ваш друг оплатил месяц пребывания и лечения, — посоветовал врач.

Лю Цзинхэн, чей заржавевший мозг медленно вращался, внезапно спросил:

— А если не оставаться, деньги вернут?

— Да, но у вас хроническое заболевание. Мы всё же рекомендуем остаться под наблюдением и поправить здоровье.

Лю Цзинхэн долго сидел на кровати, казалось, его убедили.

Затем он достал из шкафа куртку:

— До свидания, дядя.

Врач: ...

Собрав вещи, Лю Цзинхэн пошёл в холл оформлять возврат средств.

У соседнего окна стоял высокий мужчина в костюме, с прямой осанкой.

Он был слишком высоким, и Лю Цзинхэн не мог разглядеть его лица, но заметил красную подошву его туфель.

Этому он научился из романа о богачах, который читала его соседка по палате: люди в обуви с красной подошвой — обычно не простые люди.

Но его это не волновало. Его интересовал только возврат денег.

Сотрудница в окне пересчитала пачку юаней и в последний раз спросила:

— Вы уверены, что хотите вернуть деньги? Ваш друг оплатил столько дней, потому что беспокоится о вас. Если что-то случится, он будет очень расстроен.

Лю Цзинхэн кивнул:

— Я хочу...

И внезапно замолчал.

Что он хотел сказать? В холле было шумно и многолюдно, и это сбило его и без того спутанные мысли.

Ладно.

— Быстрее отдайте мне деньги, — тихо поторопил он. Если бы это было окно банка, его тон был бы вполне уместен.

Сотрудница с недовольным видом протянула ему деньги:

— Хорошо. Вы уже взрослый человек и должны научиться нести ответственность за себя. Но держите это в секрете. Если ваш друг узнает, дружбе конец.

Лю Цзинхэн: «?» Не понял.

Он взял деньги, пересчитал купюры и медленно пошёл к выходу.

Мужчина у соседнего окна мельком взглянул на Лю Цзинхэна.

Один из сотрудников обратился к мужчине:

— Господин Цинь, я договорился о встрече с директором. Прошу вас пройти в его кабинет для обсуждения пожертвования медицинского оборудования.

— Хорошо, спасибо.

Высокая фигура, сопровождаемая свитой секретарей и телохранителей, стремительно пересекла переполненный холл, привлекая всеобщее внимание.

...

Лю Цзинхэн отправил сообщение Чэн Юньцину. Он наконец вспомнил, что хотел сказать сотруднице в окне:

□Я вернул деньги за больницу и лечение. Наличными. Ты где? Я привезу.□

Чэн Юньцин тут же позвонил ему по видеосвязи и с ходу начал:

— Раньше я и не знал, что ты такой упрямый. Тебе даже на собственную жизнь наплевать.

Лю Цзинхэн задумался. Этого не было в романе. Как ему, злодею-интригану, следовало ответить?

«Не знаю. Поищу „цитаты зелёного чая“».

Листать было лень, он взял первую попавшуюся: «Она сразу начала меня ругать, она действительно тебя очень любит, ути-пути».

Лю Цзинхэн:

— Ты сразу же на меня накричал. Ты и вправду меня очень любишь.

«Она» на «ты», «тебя» на «меня». Да, всё верно, вряд ли он мог ошибиться, даже читая по шаблону.

Ах, да, ещё:

— Ути-пути~

Чэн Юньцин:

— Ха.

Люди и вправду смеются, когда теряют дар речи.

Он постучал пальцем по груди:

— Делай что хочешь. У меня занятия, я отключаюсь.

Повесив трубку, Чэн Юньцин долго смотрел на телефон, а затем вдруг улыбнулся.

Одноклассник Чэн Юньцина:

«Ого... Чэн Юньцин улыбается? Поистине, поживёшь подольше — и не такое увидишь».

***

Заказав инвалидное кресло, Лю Цзинхэн с сумкой наличных бродил по университету Цзиньхай, спрашивая каждого встречного:

— Вы не знаете, где сейчас занятия у Чэн Юньцина из медицинского института?

— Нет, не слышал.

Он написал Чэн Юньцину, но ответ был таким же холодным, как и его владелец:

□Думай сам.□

«Думать так думать».

В университетском кампусе, где учатся десятки тысяч человек, найти одного Чэн Юньцина

было всё равно что искать иголку в стоге сена.

Лю Цзинхэн долго шёл, сердце билось всё быстрее. В конце концов он сел на бордюр и потёр ноги.

Но день не прошёл зря.

У входа в столовую он увидел объявление о приёме на работу:

□Малатан «У Чжана» ищет помощника. Требования: умение готовить, приятная внешность, трудолюбие, внимательность. Студенты, ищущие подработку, в приоритете. 80 юаней в день, оплата ежедневная.□

Лю Цзинхэн принялся считать на пальцах.

До дня возврата долга оставалось полмесяца. $15 \times 80 = ?$

Сложновато. Но директор приюта учил его, что можно посчитать так: $10 \times 80 + 5 \times 80$.

Равно 1300. Таким образом, вернув Чэн Юньцину 500, у него останется ещё 900 юаней.

Лю Цзинхэн, волоча ватные ноги, нашёл малатан «У Чжана».

Хозяин, увидев его, просиял:

— Умение готовить неважно, мне нужно лицо для заведения.

Хозяин давно вёл ожесточённую борьбу с соседним малатаном «У Вана». Но недавно «У Вана» появился красивый студент-третьекурсник, и стоило ему встать за прилавком, как все парни в университете внезапно полюбили малатан, но только «У Вана».

Хозяин сжал кулак: «Всех девушек университета я заберу себе!»

Лю Цзинхэн умел готовить, но его еду мало кто мог есть.

Даже самый добрый и понимающий директор приюта, попробовав его стряпню, отводил его к реке, указывая на бескрайнее небо и проникновенно говорил:

— Цзинхэн, знаешь, умение сдаваться — это тоже важный жизненный урок. В мире много значимых вещей, и наша задача — стремиться к тому, что имеет смысл именно для нас.

Лю Цзинхэн: «Папа прав. Сейчас для меня главное — как можно скорее вернуть долг».

Днём хозяин наскоро показал Лю Цзинхэну, как готовить малатан, и, со спокойной душой оставив его за прилавком, ушёл играть в маджонг с друзьями, предвкушая баснословную прибыль.

К обеду народу прибавилось.

Лю Цзинхэн, повязав фартук, встретил первого клиента.

— Мне вот это, и ещё жареные шашлычки, — сказал студент, только что пришедший с занятий, указывая на витрину. — Куриная печень, соевый творог, крабовые палочки, по одной штуке.

Лю Цзинхэн мысленно повторил названия, и его взгляд затуманился. Что там было первым?

— Вы столько не съедите, — попытался он выиграть время.

— Эй, странный ты. Какое тебе дело, съем я или нет, — ответил студент и, надувшись, пошёл искать свободное место.

В обеденный час очередь у прилавка с малатаном становилась всё длиннее.

На лбу Лю Цзинхэна выступили бисеринки пота. В одной кастрюле кипела вода для ингредиентов, в другой пузырилось масло для шашлычков.

Он прекрасно понимал, что его память слаба, как пушинка, поэтому для удобства он записывал в блокнот по одному иероглифу от каждого названия, составляя легко запоминающиеся фразы.

Куриная печень, соевый творог, крабовые палочки — «пе-тво-краб».

— побыстрее, пожалуйста, у нас скоро вечерние занятия, — поторопил его студент из очереди, видя, что Лю Цзинхэн застыл над кипящим маслом, погружившись в свои мысли.

Лю Цзинхэн смотрел в свой блокнот: «Пе-тво-краб, пе-тво-краб... хм? Что это было?»

Он оглядел столовую, но клиент «пе-тво-краб» уже затерялся в огромной толпе голодных студентов.

Лю Цзинхэн продолжал стоять в задумчивости.

Спустя вечность он взял тарелку с выбранными клиентом ингредиентами и поочерёдно осмотрел витрину.

«Пе» — это куриная печень? Невозможно. Студент заказал малатан с куриной печенью, а слишком много печени — это высокий холестерин и риск сердечно-сосудистых заболеваний.

Его взгляд переместился на вяленую колбасу.

А что такое «тво»?

Раз уж студент любит колбасу, то «тво», должно быть... куриные кишки!

А что до «краб»...

Крабов здесь нет. Краб? Скорпион? Кровь?

Точно, это свиная кровь.

Тем временем.

У ворот университета Цзиньхай остановился сделанный на заказ «Бентли», привлёкший внимание множества студентов, которые тут же столпились вокруг, чтобы сфотографироваться.

Водитель выскочил из машины, подбежал и открыл заднюю дверь.

На землю опустилась чёрная кожаная туфля с красной подошвой, и из машины показалась

стройная нога в идеально скроенных брюках.

— Вау... кажется, приехала какая-то важная шишка, — зашептались студенты.

Ведь в приветственной делегации у ворот они увидели ректора, которого можно было лицезреть лишь раз в год, на посвящении первокурсников. Такое зрелище было действительно необычным.

<http://bllate.org/book/14550/1289018>